

Галина Коваленко

Теннесси Уильямс: «Записная книжка Тригорина» и драматический этюд Треплева

Авторитетное научное издание *The Tennessee Williams Encyclopedia* считает, что «из всех писателей, повлиявших на формирование Уильямса, приоритет принадлежит Чехову»¹. Он всегда видел в Чехове своего «духовного наставника»².

Еще в 1934 г. студентом Вашингтонского университета Уильямс писал курсовую работу о драматургии Чехова. С великим русским писателем его сближала суггестивность художественного мышления, поэтическое мировосприятие и реалистическое воспроизведение жизни, связь с культурно-историческими традициями и уважение к ним. Для обоих большое значение имеют время и память, воспринимаемые каждым персонажем субъективно. Обоим драматургам близка идея Анри Бергсона: «Наше прошлое следует за нами... и бьется в двери нашего сознания»³.

Уильямс многому научился у Чехова, но, подобно Уильяму Фолкнеру, Карсону Маккалерсу, Трумену Капоте и др., он представляет южный литературный ренессанс с воспроизведением местного колорита, элементами готики и мистицизма, а также с неизбывной ностальгией по невозвратному прошлому, характерной для многих его персонажей. У него нет традиционного героя Юга, сам он не исповедует ценности Юга с возвеличением рыцарства у мужчин и обожествлением женщин, представляющих архетип южной красавицы (*Southern Belle*). В отличие от большинства писателей-южан, сосредоточивающих действие в одном штате, городе или плантации, действие пьес Уильямса происходит в разных штатах и городах со своим политическим и культурным климатом. По его пьесам можно изучать историю Юга XX в., как по пьесам Чехова – Россию рубежа столетий. Да и Европы, что показал Бернард Шоу в пьесе «Дом, где разбиваются сердца».

Символика Чехова и Уильямса различна, но образы глубоки и поэтичны. В их произведениях всегда различима мажорная или минорная тональность, тщательно разработана музыкальная партитура текста. Конечно, персонажи Уильямса и Чехова принадлежат разным культурам и народам, но все же американские и российские исследователи проводят прямые параллели между ними. Общим местом стало сравнение драмы «Трамвай “Желание”» с «Вишневым садом», а Бланш Дюбуа – с Раневской: «Она – такое же порождение жизненного уклада, и в ее красоте, доброте, самом беспутстве есть нечто от хозяйки вишневого сада. Но Бланш еще более беззащитна, чем Раневская... Здесь продажа вишневого сада состоялась давным-давно»⁴.

Подобную же точку зрения высказывает и американский коллега: «Обе пьесы исследуют разлагающийся высший класс, лишь мифологизируя его и борясь с новой, необразованной буржуазией. Бланш Дюбуа вызывает в памяти Раневскую и ее находящийся под угрозой гибели вишневый сад. Обе оплакивают старый порядок, его культуру и обычаи»⁵.

Проводятся прямые параллели и между другими пьесами. Это понятно.

Попытка овладеть поэтикой Чехова наблюдается уже в ранних драматических опытах Уильямса, часто представляющих этюды будущих пьес. В «Мемуарах» он пишет, что летом 1934-го «влюбился в Чехова, в его рассказы...» «Он научил меня художественной восприимчивости, тогда я почувствовал влечение к литературе... Считается, что на меня оказал сильное влияние Лоуренс. Да, он сыграл роль в моем литературном становлении, но более всех я обязан Чехову»⁶.

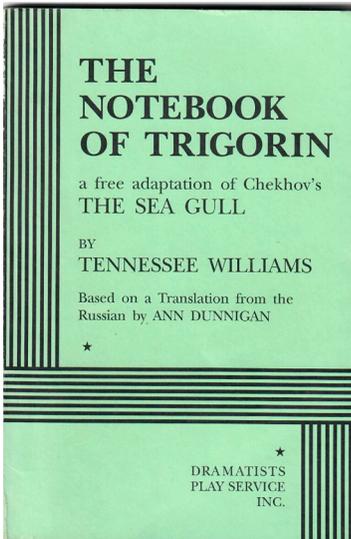
В то лето Уильямс впервые прочел «Вишневый сад», «Чайку», три тома писем, особенно приблизивших его к русскому писателю. Он находил внутреннее сходство в их судьбах. Погружаясь в письма Чехова, Уильямс видел сходство между Таганрогом и его родным городом Сент-Луисом.

Он отмечал свою общность с Петей Трофимовым: «изгнан из университета, дурно одет, смешной идеалист; вечный студент и вечный юноша, мечтатель-маргинал, стремящийся осуществить свои мечты»⁷.

Однако в первых опытах Уильямса трудно найти хотя бы отголоски Чехова, если не считать одноактной пьесы «Тень Чехова»⁸. Живущий в жалких меблирашках Французского квартала в Нью-Орлеане, как жил в свое время сам Уильямс, молодой писатель рыцарски встает на защиту женщины, оскорбленной грубой хозяйкой. Благодарная женщина просит его назваться, и он отрекомендовывается: «Чехов... Антон Павлович Чехов!»⁹

Едва ли не все мемуаристы отмечают, что, где бы ни жил Уильямс, на стене всегда висел портрет Чехова. Отношение Уильямса к Чехову показывает его многолетняя переписка с Дональдом Уиндемом. Посетив родных, Уильямс в апреле 1943 г. пишет своему другу: «Большая Бабушка (Прабабушка. – Г.К.) поднимается с постели и ковыляет вокруг дома, хватаясь за все, что попадает на ее пути; в светло-голубом кимоно и розовой кепи она похожа на старую журавлиху чуть навеселе. Упав, она извиняющееся хихикает. Это раздирает мое сердце, ком застревает в горле, когда я это вижу, напоминает мне пьесу Чехова; но у него еще более страшно и грустно»¹⁰.

2 февраля 1944 г. он пишет Уиндему: «Меня восхищает “Моя жизнь” Чехова. Каким здравомыслием и ясностью обладал этот человек, какой тонкий, печальный юмор. Какая сокрушительная грусть и полное отсутствие иллюзий»¹¹. 9 апреля 1953-го тому же адресату и соавтору по

Обложка пьесы
«Записная книжка Тригорина»

работе над инсценировкой одноименного рассказа Д.Г. Лоуренса «Ты тронул меня!» Уильямс пишет: «Пьеса стала более оригинальной, теперь в ней меньше сходства с “Вишневым садом”, но, к сожалению, должен признаться, прежний вариант мне нравится больше... Я не считаю минусом аналогию с пьесой Чехова, поскольку трактовка и приемы другие. Мне нравится тонкий юмор и правда прежнего финала, заставившего меня плакать»¹².

«Чайку» Уильямс считал «первой и величайшей современной пьесой»¹³ и всю жизнь шел к тому, чтобы приблизить ее к своим соотечественникам, но лишь за два года до ухода из жизни сделал вольную адаптацию в новом переводе Энн Даннигэн под названием «Записная книжка Тригорина» (1981): «Если я и потерпел неудачу, несмотря на сильное желание каким-либо образом применить свои, совершенно иные качества драматурга, то ради того, чтобы пьесу услышали, чтобы она стала более близкой публике, чем я наблюдал во всех американских постановках»¹⁴.

Принадлежа к отличной от Чехова культуре, он увидел в обителях русской усадьбы владельцев плантаций, разорившихся после окончания Гражданской войны и отмены рабства. Возможно, Уильямс хотел дать это понять, поместив под названием своей пьесы *The Notebook of Trigorin* пояснение – *A free adaptation of Chekhov's THE SEA GULL*.

Уильямс использовал написание *Sea gull* в два слова, таким образом подчеркнув своеобразие своего прочтения «Чайки». Для его героев прежде всего характерен дуализм духовного и телесного. Уильямс отмечал большое влияние Д.Г. Лоуренса с его «религией плоти»: «Моя религия – вера в то, что кровь, плоть мудрее разума. Мы можем ошибаться в мыслях. Но то, что чувствует и во что верит и что говорит наша кровь, всегда истинно. Разум – лишь поводок и уздечка»¹⁵. В пьесе Уильямса важна эротическая подоплека поступков, взаимоотношений и даже высказываний.

Многие американские исследователи Уильямса высоко ценят «Записную книжку Тригорина», предпочитая ее «Чайке». В серьезном научном издании «Теннесси Уильямс. Энциклопедия» автор статьи о пьесе видит в ней «редкое сотрудничество двух мастеров, чьи индивидуальные стили на многих уровнях дополняют друг друга... Заимствуя ключевые элементы у Чехова, Уильямс преломляет их через свое видение. Обладая той же, что и Чехов, чувствительностью, но более раскрепощенной, склонной к несдержанным эмоциям, он, как правило, *способствует улучшению оригинала* (курсив мой – Г.К.) благодаря воплощению подсознательной жизни персонажей, выведенной воочию, и это оригинальный вклад Уильямса»¹⁶.

Что бесспорно удалось Уильямсу, так это американизировать пьесу Чехова, введя иные бытовые реалии: много говорится о деньгах, налогах; текст Чехова перемежается пошлыми сплетнями и откровенным злопахательством Дорна, ведутся разговоры о сексе, вместо «пяти пудов любви» – пошлые житейские истории недалеких провинциалов. Характеры персонажей искажены иногда до неузнаваемости.

Значительную метаморфозу претерпел Тригорин. Почувствовав, что Чехов вложил в этот образ некоторые свои черты, Уильямс последовал за ним, сделав Тригорина бисексуалом (каким был сам). В его адаптации Тригорин объясняет это Треплеву: «Писателям нужно иметь в себе от обоих полов»¹⁷. Аркадина роется в чемоданах Тригорина и находит в конвертах письма из-за границы с фотографиями его юных, полуголых любовников. По вечерам Тригорин ходит купаться с работником Яковом («колдовское озеро» здесь становится обычным водоемом). Отношения знаменитого писателя с Ниной с самого начала прозаичны. Тригорин поддерживает ее стремление покинуть родные места «ради интересной жизни, чтобы все сияло – города, театры, кафе»¹⁸, рисуя перед ней банальный образ мира. Уверенный, что Нина сразу же по приезде в Москву

найдет его, он кладет ей в карман деньги, чтобы она не ехала в третьем классе. В финале Нина рассказывает Треплеву, что Тригорин профессию актрисы называл «ублюдочной», а их ребенка – «ублюдком, которого надо отдать иностранцам»¹⁹.

Тригорин всецело обязан карьерой Аркадиной, в отличие от Уильямса, который трудно завоевывал признание.

Сохраненный Уильямсом текст о муках литературного творчества, о начале его пути размывается. Далека от оригинала сцена, в которой Аркадина хочет вернуть себе Тригорина: «Я появилась в твоей нищенской, голодной жизни, так или не так? Я привела тебя с несколькими твоими рассказами к ведущим издателям Петербурга. Я кричала – перед вами ГЕНИЙ, завтрашний Толстой! Я заставила тебя сделать портфолио. Ты был молодой дрожащий никто и разве ЭТОТ “НИКТО” НЕ СЛУШАЛ МЕНЯ И НЕ СИДЕЛ ВОЗЛЕ МЕНЯ?»²⁰

В пьесе Чехова нет интимных подробностей отношений Аркадиной и Тригорина, здесь же Тригорин просит у нее краску для волос или жалует ей на прибавку веса. Они препираются по поводу его нетрадиционных отношений, за которые его могут арестовать за границей. В ответ он попрекает ее дружбой с Оскаром Уайльдом. Такого рода отступления замусоривают текст Чехова, искажая созданный им образ.

Отношение Тригорина к Константину двусмысленно, что и отталкивает от него Треплева. У Чехова он безусловно талантлив, его манифест о новых формах не просто декларация, а его недоигранная пьеса «Люди, львы, орлы и куропатки...» – предчувствие символизма. Тригорин Уильямса чувствует в начинающем писателе оригинальное дарование. Ему передана реплика чеховского Дорна о впечатлении от его пьесы, но издерганный Треплев грубо его обрывает: «Не ходите за мной со своими утешениями, как с объедками, брошенными побитой собаке»²¹. Во второй приезд в усадьбу на реплику Тригорина, что он любит купаться в холодной воде, Треплев отвечает: «Яков купается только летом»²², вновь подчеркивая нетрадиционную ориентацию Тригорина.

Треплев крайне возбудим и нервозен. Его первая реплика в ответ на уверенность Маши, что его «пьесу будут играть по всей России»: «Маша, вы уже выпили?»²³ Аркадина в пьесе Уильямса не любит сына и часто унижает его. Вместо того, чтобы дать ему и Сорину денег, она советует сыну «изменить фамилию и пойти на сцену на маленькие роли». В ответ он категорически заявляет: «Мой путь – быть писателем новых форм»²⁴.

В Треплеве нет творческих сомнений, требовательности к себе. Литература для него – возможность обрести материальную независимость, которой все еще нет, хотя он уже печатается в одном журнале с Тригоринным. Финальное появление Нины лишь подчеркивает его потерянную в жизни и творчестве. Сцена передана Уильямсом довольно точно, хотя отсутствует кредо Нины: «Умей нести свой крест и веруй. Я верую и мне не так больно, и когда я думаю о своем призвании, то не боюсь жизни»²⁵. Уильямс сокращает текст: «Что важно? *Только терпеть...* Пишешь ты или играешь, быть верным своему призванию и не бросать его, как незаконного ребенка»²⁶.

Уильямс выделяет ключевое для него слово – терпеть (*to endure*). У Чехова в этот небольшой монолог Нины вкладывается не только религиозное содержание, но идея служения своему делу. У русских актеров было принято говорить, что они служат в театре. У чеховской Заречной – творчество, у Нины Уильямса – работа и вульгарное сравнение с незаконнорожденным.

Кстати, в своей адаптации «Чайки» (1997) Том Стоппард также исключает текст «умей нести свой крест и веруй», заменив его словами «стойкость – вопреки всему идти вперед с верой в себя»²⁷. Оба драматурга отказались от евангельского высказывания («неси свой крест»), что логично для их трактовок образа Заречной.

Джеймс Фишер, считающий, что «Нина Уильямса в большей степени понимает цену реализации своих театральных амбиций, чем более наивная Нина у Чехова»²⁸, ошибается. Заречная в «Чайке» действительно служит, и ее ангажемент в Ельце тому доказательство. Нина же из «Записной книжки» считает, что главное – следовать спартанским принципам, и приводит пример из своей жизни, неправдоподобный и фальшивый. Она добирается до места своих ангажементов в третьем классе, с крестьянами (*peasants*), «держит на коленях плачущих детей и плачет с ними»²⁹.

Уильямс добавил в образ Нины американский патриотизм: их с Тригоринным ребенок – «дитя чайки и сам чайка» – жив и отправлен Ниной «в Новый свет, в прекрасную страну Америку»³⁰. После ухода Нины Треплев продолжает с ней говорить, но, по сути, разговаривает сам с собой: «Вы нашли свой путь. Я же все еще плыву по течению – хаос»³¹. Треплев Чехова после ее ухода рвет рукописи и выходит в сад – решение принято. Треплев Уильямса «плачет, убирает рукопись в стол и выходит в сад»³² – добавлена плаксивая, мелодраматическая нота.

У Чехова Аркадина – известная актриса провинциального театра, игравшего огромную роль в русской культуре, многие актеры которого остались в истории нашего театра. Тригорина она любит, уважает и как человека, и как писателя. Конечно же, она не таскала его по редакциям и не протезировала ему. Обитателям усадьбы она говорит: «Хорошо с вами, друзья,... но... сидеть у себя в номере и учить роль – куда лучше!»⁵³ Театр она любит и не представляет себе жизни без него. Хотя к ней применим известный афоризм Станиславского про актеров, которые «любят себя в искусстве, а не искусство в себе».

Уильямс далек от реалий русской жизни в целом и театральной – в частности. Аркадина превратилась в комического персонажа. Она тщеславна, эгоистична. Неумна, бестактна и неталантлива. В ней нет достоинства, она смешна, что видит Тригорин, но тем не менее ей подчиняется. Она считает своей «единственной соперницей» записную книжку Тригорина и требует, чтобы он написал в ней: «Всю жизнь меня обожает русская публика». Тригорин заканчивает фразу: «Божественная Сара Бернар»⁵⁴. Разумеется, спектакли Аркадиной не посещает царица и царь не присылает ей розы. Аркадина у Чехова не собирает домочадцев, чтобы устроить коллективное моление перед отъездом. У Чехова она игнорирует просьбу сына дать Сорину денег: «Я актриса, а не банкирша»⁵⁵. Уильямс добавляет: «Я – выдающаяся русская актриса, а не банкирша»⁵⁶.

Уильямс создал незаурядные образы актрис Карен Стоун в повести «Римская весна миссис Стоун» и Александры дель Лаго в пьесе «Сладкоголосая птица юности». В них прочитываются не только их женские судьбы, но и творческие. Характер Аркадиной он не только не понял, но извратил до неузнаваемости.

Более других персонажей Уильямс почувствовал Машу. Ее сцена с Тригориним, заканчивающаяся просьбой прислать ей свои книги с надписью «Марье, родства не помнящей, неизвестно для чего живущей на этом свете»⁵⁷, передана тонко, и становится понятно, что Треплев – судьба Маши. Однако некоторые подробности снижают и этот образ. Она презирует Медведенко за то, что он считает Гамлета английским актером, уличает мужа в вуайеризме, в чем он, сексуально неудовлетворенный, признается: «Я блаженствую, когда ты по ночам снимаешь свое черное платье – и под ним белейшее белье, как твоя кожа»⁵⁸.

Сильнее всех изменился Дорн, превратившийся в мелкого беса, почти Передонова из романа Федора Сологуба, о котором вряд ли знал Уильямс. Дорн Чехова прежде всего интеллигент, обладающий чувством

прекрасного. Он единственный угадывает необычность опуса Треплева, советует ему продолжать писать. Он вспоминает его монодраму во время путешествия по Италии, сравнивая с образом Треплева толпу в Генуе: «...сливаешься с нею психически и начинаешь верить, что в самом деле возможна одна мировая душа, вроде той, которую когда-то... играла Нина Заречная»³⁹. Дорн Уильямса поочередно приглашает Машу и Нину встретиться с ним в его офисе, злословит после того, как Аркадина рассказывает о своем триумфе в Одессе (у Чехова – в Харькове): «Бедняжка думает, что мы в провинции не получаем газет и не знаем, что ее ангажемент в Одессе почти сразу закрылся, едва начавшись»⁴⁰.

По поводу своего заграничного путешествия говорит, что его впечатлили большие города Италии. Их улицы «полны улыбающихся... женщин с большой грудью...». Треплев обрывает: «Он говорит о проститутках»⁴¹.

Дорн Уильямса устраивает шоу, для чего драматург дописывает финал:

«Дорн. Скажите, Ирина, сколько раз вас вызывали на премьере в Одессе?

Тригорин. Бессчетно.

Дорн. Никогда не имел удовольствия видеть, как вы выходите на поклонны на премьере или на закрытии, но слышал, что очень изящно. Ирина, не откажите в любезности, поклонитесь.

Тригорин. По какому случаю?

Дорн. Случай представился.

(Медленно двое слуг несут тело Константина. Зажав рукой рот, Аркадина поднимается и отходит от стола, на котором играли в лото, направляясь к рампе. Инстинкт побеждает, и она кланяется. На ее лице отражается вся гамма чувств – трагическое прощание со сценой, своей прежней жизнью, с горячо любимым сыном).

Дорн. Как изящно!»⁴²

Дорн ёрничает, в то время как у Чехова он произносит только: «Дело в том, что Константин Гаврилович застрелился»⁴³.

Чехов вложил в «Чайку» много тем и смыслов – размышлений о любви, творчестве, призвании и таланте. Отсюда такое бесчисленное количество филологических, театроведческих, режиссерских трактовок пьесы.

Уильямс назвал свою пьесу «Записная книжка Тригорина», важнейшая для него тема – старые и новые формы. Здесь можно выделить

Т. Уильямс

также постоянно повторяющийся мотив – возраст. Диалоги часто перемежаются разговорами о нем, как будто в том, что молодость проходит, таится что-то постыдное. Маша интересуется, сколько лет Аркадиной, Треплев с горечью говорит, что он напоминает матери о ее возрасте, Дорн уменьшает на пять лет свой возраст. Почти в финале Тригорин, обращаясь к Аркадиной, подводит своеобразный итог: «Наш общий враг – время, не так ли, дорогая? Кто знает, когда несравненная в своем мастерстве актриса начнет бессознательно повторяться, полагаясь на привычные приемы, а писатель отпускает узду и пишет так, что понять может только он сам, или начинает повторяться»⁴⁴. В сущности, Тригорин говорит не о времени, категории философской, но о старости. Мастер тонких символов, создания лирической атмосферы, столь ценимых им у Чехова, Уильямс отказался от всего этого в адаптации «Чайки».

Пьеса Уильямса оказалась лишена объема. Возможно, этим объясняется ее сценическая судьба. При жизни автора она была сыграна один раз – в Канаде, в Ванкувере, в 1981-м; в 1982 г. тот же спектакль показали в Лос-Анджелесе. После смерти Уильямса (1983) его литературный душеприказчик Мария Бритнева сочла пьесу неудачной и запретила ее ставить. Тем не менее 14 декабря 1992 г. в *Lincoln Centre* состоялась сценическая читка, а в сентябре 1996 г., после смерти самой Бритневой, «Записная книжка» была поставлена в Цинцинатти, штат Огайо.

В сезоне 2000/01 гг. в Московском театре имени Гоголя состоялась премьера «Записной книжки Тригорина» в переводе Александра Чеботаря и постановке Сергея Яшина. Режиссер соединил текст Уильямса с «Чайкой» Чехова. Сергей Яшин – уважаемый режиссер; немногочисленные рецензенты, не приняв спектакля, были осторожны в критике. Лишь «Коммерсантъ» дал точную оценку спектаклю: «Вместо положенных рефлексий на тему “почему застрелился Константин”, от спектакля театра имени Гоголя остается пошлый приступ антиамериканизма и обостренная на его фоне гордость за русских артистов»⁴⁵.

- ¹ *Fisher J. Chekhov, Anton // The Tennessee Williams Encyclopedia. Edited by Philip C. Kolin. Westport, Connecticut. London. Greenwood Press, 2004. P. 37.*
- ² *Spoto D. The Kindness of Stranges. The Life of Tennessee Williams. N.Y.: Ballantine Books, 1986. P. 50.*
- ³ *Бергсон А. Опыт о непосредственных данных сознания // Собрание сочинений в 4-х томах. Т. 1. М.: Московский рабочий, 1991. С. 108.*
- ⁴ *Смирнов Б. Театр США XX века. Л.: ЛГИТМиК, 1976. С. 183.*
- ⁵ *Fisher J. Chekhov, Anton. The Tennessee Williams Encyclopedia. P. 37.*
- ⁶ *Williams T. Memories. N.Y.: Doubleday and Company, 1975. P. 40, 46.*
- ⁷ *Spoto D. The Kindness of Stranges. The Life of Tennessee Williams. P. 51.*
- ⁸ *Уильямс Т. Тень Чехова. Современная драматургия. 2013, №2. С. 241. Перевод с английского Галина Коваленко.*
- ⁹ *Williams T. The Lady of Larkspur Lotion. Одноактная пьеса, в названии которой таится горькая шутка. Larkspur lotion – средство от вшей. Героиня уверяет, что она им пользуется для снятия лака с ногтей, но в действительности она держит в этой бутылке виски.*
- ¹⁰ *Tennessee Williams' Letters to Donald Windham 1940–1965. N.Y.; Holt, Rinehart and Winston, 1977. P. 56.*
- ¹¹ *Ibidem. P. 130.*
- ¹² *Ibidem. P. 287.*
- ¹³ *Williams T. The Notebook of Trigorin. Interpreter's Note. Dramatists Play Service, 1997. P. 4.*
- ¹⁴ *Ibidem.*
- ¹⁵ *Kolin P. D.-H. Lawrence // The Tennessee Williams Encyclopedia. P. 176.*

- ¹⁶ *Fisher J.* The Notebook of Trigorin // The Tennessee Williams Encyclopedia. P. 176.
- ¹⁷ *Williams T.* The Notebook of Trigorin. P. 32.
- ¹⁸ *Ibidem.* P. 33.
- ¹⁹ *Ibidem.* P. 60.
- ²⁰ *Ibidem.* P. 42.
- ²¹ *Ibidem.* P. 17.
- ²² *Ibidem.* P. 57.
- ²³ *Ibidem.* P. 7.
- ²⁴ *Ibidem.* P. 40.
- ²⁵ *Чехов А.П.* Чайка. ППС в 30-ти томах. М.: Наука, 1978. Т 13. С. 58.
- ²⁶ *Williams T.* The Notebook of Trigorin. P. 61.
- ²⁷ *Stoppard T.* The Seagull // Stoppard T. Plays 4. London: Faber and Faber, 1999. P. 469.
- ²⁸ *Fisher J.* The Notebook of Trigorin. P. 177.
- ²⁹ *Williams T.* The Notebook of Trigorin. P. 59.
- ³⁰ *Ibidem.* P. 60.
- ³¹ *Ibidem.* P. 62.
- ³² *Ibidem.* P. 62.
- ³³ *Чехов А.П.* Чайка. С. 24.
- ³⁴ *Williams T.* The Notebook of Trigorin. P. 44.
- ³⁵ *Чехов А.П.* Чайка. С. 37.
- ³⁶ *Williams T.* The Notebook of Trigorin. P. 40.
- ³⁷ *Ibidem.* P. 34.
- ³⁸ *Ibidem.* P. 49.
- ³⁹ *Чехов А.П.* Чайка. С. 49.
- ⁴⁰ *Williams T.* The Notebook of Trigorin. P. 54.
- ⁴¹ *Ibidem.* P. 53.
- ⁴² *Williams T.* The Notebooks of Trigorin. P. 65.
- ⁴³ *Чехов А.П.* Чайка. С. 60.
- ⁴⁴ *Williams T.* The Notebook of Trigorin. P. 63.
- ⁴⁵ *Должанский Р.* «Чайка» для простых американцев. *Коммерсантъ*, 31 октября, 2000.